

УДК 94(476)+277.4

О.П. ХАРЧЕНКО

Беларусь, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

**«ЖИВУ МЫСЛЬЮ О РОДИНЕ И О БРЕСТЕ...»:
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ВЛАДЫКИ МИТРОФАНА ЗНОСКО**

Среди мемуаров иерархов Русской православной церкви (РПЦ) выделяются своим объемом и обилием приводимых сведений о русской православной жизни в Беларуси и за рубежом воспоминания епископа Восточно-Американского и Нью-Йоркского Митрофана Зноско. Впервые они были опубликованы в России в 1995 г. издательством Свято-Владимирского Братства [7]. Свои мемуары владыка начал писать в начале 1990-х гг. За помощью отредактировать рукопись он обратился к известному белорусскому историку церкви и опытному редактору В.С. Русаку. После ознакомления с рукописью редактор отказался от этой работы, сказав, что любая редакция способна только испортить живой самобытный язык автора [9, с. 184]. В итоге издательство Свято-Владимирского Братства выпустило книгу в авторской редакции.

Будущий епископ Митрофан (в миру – Митрофан Константинович Зноско-Боровский) родился 4 (17 августа) 1909 г. в Брест-Литовске, «в духовной» многодетной семье настоятеля Свято-Николаевской Братской церкви отца Константина и матушки Веры [13, с. 355]. В семье было 16 детей, но семеро скончались еще в детском возрасте. Два сына – старший Арсений и младший Алексей стали православными священниками. Алексей служил в автокефальной Польской Православной Церкви, был протоиереем и доктором богословия, скончался в 1994 г. [13, с. 361]. В годы Первой мировой войны (1914–1918) отец Константин служил священником в 8-м Финляндском стрелковом полку. За доблесть был награжден тремя орденами и золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Отец Константин (Зноско) участвовал в строительстве Братской Свято-Николаевской церкви и служил в ней в 1907–1914 гг., а затем жил в эвакуации в России. Мать владыки умерла от тифа, когда ему было всего девять лет, и дальнейшее его воспитание взяла на себя старшая сестра Ольга.

Согласно Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г. между Польшей и Советской Россией Беларусь была разделена на две неравные части. Так, западная ее часть с городами Вильно, Пинск, Брест, Гродно, Новогрудок и др. отошли к Польскому государству, а обширная восточная часть Беларуси осталась под властью большевиков. На «крэсах восточных», т.е. восточных окраинах II Речи Посполитой, были созданы следующие воеводства: Волынское, Полесское, Новогрудское [8, с. 312]. Поэтому после возвращения в 1922 г. уже в польский Брест [4, с. 62; 2] отец Митрофан снова становится настоятелем Свято-Николаевского Братского храма. При этом он являлся законоучителем русской гимназии и начальной школы.

Решение стать священником пришло к юному Митрофану рано, еще на школьной скамье. Вот как отец Митрофан описывает выбор пути в своей книге

«Хроника одной жизни» [13]: «Окончив шестой класс гимназии, ни с кем из взрослых не посоветовавшись, отправил документы в Волынскую духовную семинарию и стал готовиться к экзаменам. Когда пришла пора ехать, вынужден был рассказать о своих планах. Но, мудрый отец отказался дать деньги на поездку и сдачу экзаменов. Его можно было понять: один сын погиб, он не хотел потерять второго». На что Митроша ответил: «На это я располагаю своими средствами». Дело в том, что, начиная с пятого класса, он зарабатывал репетиторством. Все же перед самой поездкой отец выделил сыну 25 злотых.

Сдав экзамены успешно, даже украинский, который изучал в гимназии и который осваивал самостоятельно, был зачислен, но провел в семинарии всего лишь две недели и ... вернулся в Брест. Объяснение этому мы находим в книге отца Митрофана: «Не по духу мне была атмосфера семинарская: передо мной была молодежь, чувствовавшая себя обреченной и жившая по сему по девизу: «Кариэ дием» – ешь, душа, пей и веселись, пока не надел рясу. На богословский факультет принимали как окончивших семинарию, так и с аттестатом зрелости гимназии, причем курс в гимназии был восьмилетний, а в семинарии – десятилетний. Не было смысла терять два года». Услышав, что юный Митрофан все же остается верен принятому решению, его пробовали отговорить люди, которых он безмерно уважал: педагоги, близкие друзья семьи, даже отец хотел, чтобы сын стал врачом или инженером.

Однажды гость отца, один из видных православных священников Польши, услышав, что Митрофан хочет стать пастырем, сказал: «Вы, молодой человек, не отдаете себе отчета в том, что ожидает Вас на этом пути. Это путь скорби, путь креста, под тяжестью которого Вы упадете; черствость и людская неблагодарность сломают Вас. Вы будете несчастным человеком».

На семейном совете было принято решение, чтобы он сдал документы в техническое училище. Что делать? Не принято было в семье Зноско предпринимать что-то без родительского благословения. Пришлось пойти Митроше на хитрость. Он только сделал вид, что подал документы в приемную комиссию технического училища, а сам закопал их в сарае, продолжая учиться в гимназии.

Пожалуй, в это время только друзья поддержали Митрошу. Все годы гимназической жизни дружили Митрофан Зноско, Гриша Проневич и Миша Севбо. В гимназии их всегда видели вместе, по воспоминаниям товарищей их так и называли: «Миша, Гриша и Митроша». Шли ни в учении тройкой в первом ряду. С удовольствием посещали литературный кружок, которым руководил «блестящий преподаватель русской литературы, влюбленный в Чехова Владимир Васильевич Петручик [4, с. 64]. «Проходя у Петручика курс Достоевского и Чехова, я впитывал в себя то духовное богатство, которое не дали мне сухие уроки Закона Божьего, но без которого не может человек внутренне стать христианином. Достоевский и Чехов вложили в меня «Христову закваску живой веры», которая с годами возрастая, делала меня сознательным православным христианином и патриотом России православной».

Работал в гимназии и религиозно-философский кружок – единственный, который возник без участия преподавателей. Честно сказать, он был не очень

многочисленным, да и существовал всего год до окончания гимназии его руководителя Митрофана Зноско, но на выбор жизненной дороги на многих повлиял. Уже в начале восьмого класса тройка друзей «Миша, Гриша и Митроша», обсудив дальнейший жизненный путь, решила идти на богословский факультет. Убедившись, что сын от намеченной цели не отступит, отец Константин, наконец, дал родительское благословение.

«По воле отца поступил я на богословский факультет Варшавского университета». Учеба заняла три года (1929–1931) – «это было время начала насильственной полонизации Православной Церкви и русского населения страны» [13, с. 355]. На втором курсе вступил в конфликт с преподавателем – сторонником украинизаторских тенденций в православии. При содействии патриарха Сербской Церкви Варнавы в 1932 г. был вынужден перевестись на богословский факультет Белградского университета, который окончил в 1934 г. [13, с. 355]. Вернувшись в Польшу, сдал соответствующие экзамены и, удовлетворив все требования богословского факультета Варшавского университета в 1936 г., защитил дипломную работу и был удостоен ученой степени магистра богословия Варшавского университета. Еще во время учёбы Митрофан принимает решение: заменить место старшего брата, священника Арсения, расстрелянного большевиками в 1925 г.

Митрофан Зноско с 1935 г. был женат на Александре Семёновне, урождённой Цыбрук, дочери протоиерея.

1 сентября 1935 г. вступил Митрофан Зноско на путь служения Богу, в Пинске его рукоположили в сан диакона. В 1935–1936 гг. преподавал Закон Божий в Брестской русской гимназии. 12 июня 1936 г. в Яблочинском монастыре архиепископом Полесским и Пинским Александром (Иноземцевым) был рукоположен в сан пресвитера.

Сначала получил приход в храме в честь Успения в деревне Омеленец, Брестского района. «Ровно через два месяца покинул я Омеленец и стал настоятелем Свято-Николаевского Братского храма, в котором ранее служил мой отец» [5, с. 107; 14, с. 73]. «Торжественно был принят прихожанами свой пастырь: приход преподнес ему золотое парчовое облачение». Естественно, что такая встреча обязывала нового настоятеля к вдумчивому и жертвенному служению Богу и людям. Настоятелем этого прихода отец Митрофан был до 1944 г. Следует отметить, что о. Митрофан много внимания уделял больным: раз вызванный к больному, посещал его и дома, и в больнице неоднократно. К проведению служб относился с большим рвением, чутким и внимательным был к каждому прихожанину. Труднее складывались отношения с властью.

Верность православию нужно было отстаивать ежедневно. Это Митрофан Зноско усвоил еще на студенческой скамье во время насильственной полонизации Православной церкви и русского населения страны. Так, студентам Варшавского университета вменялось все доклады готовить на польском языке и даже между собой не приветствовалось общение на русском языке.

В результате административных реформ на присоединенных к Польскому государству территориях Беларуси, Волыни, Полесья, Холмщины и Подляшья, а

также в городах Польши проживало до пяти миллионов православного коренного населения.

В восточных областях II Речи Посполитой число православных архиереев было семь: архиепископ Виленский и Литовский Феодосий (Феодосиев); архиепископ Полесский и Пинский Александр (Иноземцев); архиепископ Волынский и Кременецкий Алексей (Громадский); епископ Острожский Симон (Ивановский); епископ Камень-Каширский Антоний (Марценко); епископ Луцкий Поликарп (Сикорский); бывший епископ Пинский и Новогрудский Пантелеимон (Рожновский), за непризнание так называемых «Временных правил 1922 г.» и за противодействие курсу на незаконную автокефалию Польской ПЦ уже много лет находился в заточении в Жировичском монастыре [2, с. 345–350].

Во всех православных храмах на «Крэсах Выходных» II Речи Посполитой насчитывалось около 1 500 приходов и свыше 200 приходских и приписных церквей, 15 монастырей – 10 мужских и 5 женских, среди которых первенствовала Успенская Почаевская Лавра. Ее священноархимандритом именовался митрополит Варшавский. Важнейшими очагами монашеской жизни на территории Беларуси были Жировицкий Успенский монастырь в Гродненской епархии и Свято-Духовский в Вильне, в Подлясье – Яблочинский монастырь преподобного Онофрия Великого [6, с. 9]. При этом польское правительство видело в окатоличивании белорусов и украинцев способ присоединения этих народов к Польше и приобщения к польской культуре. Подобные цели не скрывались высшими должностными лицами и католическим духовенством [7, с. 56]. Поэтому уже в начале 1930-х гг. правительство стало требовать ведения службы в православных храмах на польском языке. Трудно было не подчиняться, но отдельным смельчакам как-то удавалось. В 1938 г. отцу Митрофану предписали принять участие в Онофриевских торжествах в Яблочине и выступить с проповедью на польском языке. От предложенной ему «чести» он нашел в себе смелость отказаться и даже ехать в Яблочин [14, с. 85]. В 1938 г. польское правительство и Ватикан подписали договор, касающийся судьбы православных и земельных владений, на которые претендовал Костел. В соответствии с этим договором только в 1939 г. на Холмщине было утрачено 176 церквей, осталось еще 53 прихода. В противном случае православные храмы поджигались или разрушались: три храма были сожжены в Люблинском воеводстве, в Турковицком воеводстве была разрушена часовня, «в Ляшыве в июле 1938 г. по распоряжению старосты Томашевского повета уничтожен деревянный храм. Многие прихожане, оплакивавшие церковь во время разрушения, были арестованы».

1 сентября 1939 г. фашистская Германия напала на Польшу. Угроза фашистской оккупации нависла над Западной Белоруссией и Западной Украиной. В этих условиях Советским правительством принимается решение: взять под защиту «жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Исполняя это решение, части Советской Армии утром 17 сентября 1939 г. перешли советско-польскую границу. Продвижение войск Красной Армии шло довольно быстро. В первый день были освобождены Барановичи,

8 сентября – Лида, Слоним, 19 сентября – Вильно, Пружаны, 20 сентября – Гродно, 21 сентября – Пинск, 22 сентября – Брест и Белосток.

После присоединения, по утверждению М.В. Шкаровского, опиравшегося на доклад Г.Г. Карпова (с 1940 г. глава отдела по религиозной проблематике в центральном аппарате наркомата) в ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1947 г., к 1941 г. Русская Православная Церковь имела 3 732 действующих храма, причем 3 350 церквей из них находились в Западной Беларуси, Западной Украине, Бессарабии, Восточной Прибалтике [14, с. 101–102]. Как отмечает отец Митрофан: «Мы, пастыри, отдавали отчет в том, что ожидает нас при новой власти, власти не русской и направляемой врагами христианства и русского народа. И в то же время мы радовались нашему вхождению в лоно страдальцы матери-церкви» [13, с. 91].

Несмотря на относительную «терпимость», «быстро почувствовали мы тяжелую руку новой власти» [11, с. 88]. «Предстала перед мною картина грядущих вызовов моих прихожан на допросы, угрозы, лишения работы, аресты и ссылки за веру и посещение храма» [13, с. 91]. Несколько раз вызывали и отца Митрофана. Многих он буквально спас от смерти в застенках НКВД. Поскольку земли Западной Беларуси и Западной Украины были присоединены под лозунгом «освободительного воссоединения» с братскими народами, конфликты с новой властью, к сожалению, не прекратились. Известно, что уже в 1938 г. в СССР не существовало ни одного монастыря.

Как признается сам отец Митрофан, «...с декабря 1939 г. дом настоятеля Николаевского храма стал «проходным двором» для многих беглецов от советской власти. Это Евгений С. Давыдовский со своим коллегой, офицером Польской Армии, обоих впервые вижу; мой однокашник по Богословскому факультету о. Евгений Б-ский, молодой иеромонах Г. К – Чук со своим братом» [13, с. 92]. Поэтому нет секрета в том, почему «все священнослужители, не исключая старика настоятеля Свято-Симеоновского собора, являлись на вызовы в НКВД в штатских костюмах. Я был исключением, являлся в НКВД, в горфинотдел и в другие учреждения в рясе с крестом на груди» [13, с. 97]. При том, что «частых вызовов меня в НКВД не было, но предложения о сотрудничестве с органами НКВД» и «тяжелых последствиях: арест, ссылка, ограничение детей в гражданских правах поступали» [13, с. 99]. На что был дважды твердый ответ отца Митрофана: «Я нарушу Богу данную клятву – служить только ему Единому, а как клятвопреступника и вы вряд ли меня будете уважать, доверия ко мне не будет» [13, с.101]. Несмотря на «опасность, многие все-таки продолжали посещать храм». Об этом свидетельствует тот факт, что «в Великую Пасху 1941 г. приступило ко Святой Чаше только в моем храме свыше четырех с половиной тысяч причастников» (!) [13, с.103].

23 июня 1941 г. митрополит Пантелеимон (Рожновский) [1, л. 15] подписал резолюцию за № 273 о возведении отца Митрофана в сан протоиерея «за стойкость в Православии в дни гонения на веру и за ревностные труды в Церкви Христовой». Указом от 11 декабря 1941 г. назначил его благочинным Брестского округа и председателем епархиального управления Брестской епархии [13, с. 105]. В это беспокойное время о. Митрофан являлся организатором и преподавателем

на учительских курсах. В период немецкой оккупации, следуя христианским законам, помогал больным, старым, сиротам, среди которых были дети красных командиров и партизан. Спасал он и евреев, укрывал их от фашистских палачей, подвергая себя при этом смертельной опасности.

Непростые отношения сложились у о. Митрофана и с проукраински настроенными священниками. И по этому поводу вызывали его оккупационные власти, требуя передачи одного из храмов в полное распоряжение самосвятов-украинцев. Даже при угрозе ареста не подчинился. Снова конфликт с властью. Неизвестно, каков был бы заключительный итог, если бы к Бресту не подходила Советская Армия. Тяжелой и страшной стала для жителей ночь с 7 на 8 июля 1944 г. Началась бомбардировка Бреста. «Утром после бомбардировки города принесли мне приказ от властей «в течение двух часов покинуть пределы г. Бреста». «Так неожиданно поднялась сила ураганная и меня понесла по распутьям беснующегося мира», – писал позже в своей книге отец Митрофан. Ему вместе с волной беженцев пришлось уйти на Запад. Отец Митрофан являлся настоятелем русской общины в Марокко, администратором русских приходов в Алжире, Тунисе и Марокко [13, с. 356]. В 1944–1948 гг. жил в Германии и Австрии, находился в юрисдикции Русской ПЦ за границей. В 1944–1945 гг. находился в Австрии, служил под омофором митрополита Берлинского и Германского, и Среднеевропейского Серафима (Ляде). В период с 1945 по 1948 г. служил в храме лагеря для перемещенных лиц Менхегоф, являлся законоучителем действовавшей в лагере Ломоносовской гимназии. С 1946 г. стал членом епархиального совета Германской епархии.

В 1948 г. отец Митрофан был направлен митрополитом Анастасием (Грибановским) сопровождать из Германии в Африку группу в 1,5 тысячи русских антикоммунистов, нашедших убежище и работу в Марокко [10]. За выдающиеся заслуги перед Церковью указом Архиерейского Синода от 17 декабря 1954 г. протоиерей Митрофан Зноско был награжден митрой. Попечением отца Митрофана в Касабланке был построен в 1958 г. каменный Успенский храм.

По указу митрополита Анастасия в 1959 г. с семьёй переселился в США [10]. Последний и самый длительный период (42 года) прошел в Си-Клифе, предместье Нью-Йорка. Приехав в Америку в 50-летнем возрасте, умудренный уже богатым пастырским опытом и суровой жизненной школой отец Митрофан являлся настоятелем Свято-Серафимовского храма, находящегося в юрисдикции РПЦЗ в Си-Клиффе на Лонг-Айленде (штат Нью-Йорк). Состоял в личном распоряжении председателя Архиерейского Синода, расследуя и улаживая настроения в ряде приходов. В память своего старшего брата священномученика Арсения отец Митрофан многие годы (1968–1976) безвозмездно преподавал в Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле (штат Нью-Йорк). С 1972 по 1973 г. исполнял обязанности ректора семинарии, в 1986 г. избирается протопресвитером. Состоял членом Конгресса Русских Американцев (КРА). При этом поощрял деятельность КРА и разрешал чтение культурно-просветительных лекций в своем приходе [11].

В 1989 г. ушла в иной мир верная спутница жизни отца Митрофана матушка Александра Семеновна. Приняв эту утрату с глубоким христианским смирением, отец Митрофан уже в следующем в 1990 г. принял монашество. За годы служения отца Митрофана в Америке, не обошлось без скорбей. Прежде всего людская злоба, нападки, недостойная клевета, нелепые обвинения, исходящие иногда и из церковных кругов – в экуменизме, солидаризме, сотрудничестве с КГБ, – все это батюшка стойко претерпевал.

Пастырский облик владыки отличался целостностью и целеустремленностью. Он и в далеком зарубежье оставался строгим к себе, ласковым и снисходительным к окружающим, поистине добрым пастырем. До последних дней в сердце жила любовь к родной земле. В одном из последних писем однокашникам по гимназии писал: «Живу мыслью о Родине и о Бресте». Последние 11 лет своей жизни Владыка был викарием Восточно-Американской епархии РПЦЗ с титулом епископа Бостонского, хиротонисан состоялся в Монреале 24 ноября 1992 г. [10]. До последнего времени совершал богослужения и принимал активное участие в церковной жизни.

Скончался Владыка Митрофан в возрасте 92 лет 15 февраля 2002 г. Торжественная панихида была совершена Митрополитом Лавром 19 февраля в Свято-Троицком монастыре. Погребение епископа Митрофана проходило на монастырском кладбище рядом с могилой матушки Александры Семеновны.

Веря в лучшее завтра своей Родины, щедро жертвовал на благотворительные цели в возрождающемся Отечестве. Его лекции по сравнительному богословию были переведены в России в 1990-е гг. и использовались в качестве пособия в духовных учебных заведениях РПЦ.

Всех, кого окормлял отец Митрофан, платили ему ответной любовью, что особенно выявилося на его отпевании, на которое издалека съехались его прихожане по Марокко, Германии и даже Бреста. Похоронен на кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (штат Нью-Йорк) рядом с могилой матушки.

1. Российский государственный архив современной политической истории. – Ф. 17. Оп. 125. Л. 44.

2. Антоний (Мельников), архимандрит. Жировичский Свято-Успенский монастырь. Часть 3 (машинопись). – Одесса, 1964. – С. 318–476.

3. 12 ноября 1923 г. Брест-Литовск был переименован в Брест-над-Бугом, он стал также центром Полесского воеводства.

4. Сарычев, В. В поисках утраченного времени / В. Сарычев. – Брест : Брестская типография, 2006. – Кн. первая. – 308 с.

5. Вашукувна-Каменеца, Д. Брест – город незабываемый / Д. Вашукувна-Каменеца. – Брест : Изд-во С. Лаврова, 1999. – 284 с.

6. Цыпин Владислав, протоиерей. Православная Церковь в Польше между первой и второй мировой войной [Электронный ресурс]. – 23 с.. – Режим доступа: <http://www.pstbi.ccas.ru/institute/book/1997/vc.htm/>. – Дата доступа: 21.11.2013.

7. Иеродиакон Василий (Костюк). История Полесской епархии (1922–1944). – Брест : Брест. обл. типография, 1999. – 152 с.

8. Мартос, А. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Буэнос-Айрес, 1996. – Репринт. – Минск : Изд-во Белорус. Экзархата, 2000. – 352 с.

9. Мемуары епископа Митрофана (Зноско-Боровского) как источник православного зарубежья / А. В. Попов // Працы гіст. фак. БДУ : навук. зб. / адказ рэд. У. Коршук. – Вып. 4.

10. Митрофан (Зноско-Боровский), епископ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zarubezhie.narod.ru>. – Дата доступа: 12.10.2013.

11. Митрофан (Зноско), епископ Хроника одной жизни. К шестидесятилетию пастырского служения IX.1935 – IX.1995. – М. : Изд-во Свято-Владимировского Братства, 1995. – 370 с.

12. Митрофан (Зноско-Боровский) [Электронный ресурс]. Википедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 12.10.2013.

13. Хроника одной жизни (К 60-летию пастырского служения). – Нью-Йорк. – М., 1992.

14. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) / М. В. Шкаровский. – М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 2000. – 400 с.

УДК 94(47):342.532

А.Э. ХОМИЧ

Беларусь, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – Л.П. Никитенкова, канд. филос. наук, доцент

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ С.А. МУРОМЦЕВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОКОВ

Идея создания Государственной Думы была рождена либеральным течением; в недрах самодержавно-бюрократического правительства были выработаны юридические нормы, относящиеся к формированию, структуре, полномочиям и функциям Думы. Тем, что самодержавно-бюрократическая система крайне затрудняла генезис выборного представительного органа, в немалой степени объясняет тот факт, что около столетия отделяет предлагавший создание Государственной Думы проект М.М. Сперанского, инициированный в начале XIX в. Александром I, и начало функционирования I Государственной Думы [8, с. 4].

Деятельность Думы представляет особый интерес, поскольку это был первый в истории страны выбранный народом законодательный орган, имевший право контролировать определенными сторонами государственного управления (издание, изменение, дополнение законов, Государственная роспись доходов и расходов и др.), что ранее являлось прерогативой царя. Несмотря на ограничения полномочий Думы (вне сферы ее деятельности находились вопросы внешней политики, дела, связанные с вооруженными силами), ее введение стало важнейшим событием в истории России [21, с. 60].